

Спрятаться?

Вопрос был в том, где им прятаться!

Между светом и камнем Ли Цанкан внезапно бросилась вперед.

С бонусом скорости 300% Бай Лисинь увидел только вспышку света перед глазами, а все зажженные факелы вокруг него погасли.

Она не забыла тщательно закрыть дверь зала предков, а затем схватила Бай Лисиня за запястье, быстро потянув его под алтарь.

Ли Цанкан, наконец, посмотрела на Бай Лисиня красными глазами и задула подсвечник в руке.

С одной стороны, она плакала; с другой стороны, ах! Эта младшая сестра была немного жестокой!

В темноте Бай Лисинь взглянул на дрожащую девушку рядом с ним.

Рука, сжимавшая его запястье, неудержимо дрожала. Девушка явно была напугана до смерти, но все же стиснула зубы и не издала ни звука.

Шаги становились все ближе и ближе.

Внезапно Ли Цанкан потрясла запястье Бай Лисиня и нервно сказала: «Бронзовый замок! Бронзовый замок не закрыт!»

Бай Лисинь внезапно почувствовал движение струи воды, обернувшейся вокруг его другого запястья.

Эта вода разделила небольшую полосу воды и дважды ударила внутреннюю часть запястья Бай Лисиня.

Его запястье немного покалывало, но не больно.

Затем этот небольшой поток воды бесшумно вылетел наружу, осторожно поднял бронзовый замок, висевший на двери, и медленно захлопнул его.

Сделав это, струя воды вернулась к запястью и сильно сжалась, словно заявляя о своей суверенности или выражая свои эмоции.

В его ушах раздался более низкий, чем обычно, голос: «В конце концов, я тот, кто должен убрать твой беспорядок. Я полезный, с какой стороны на это ни посмотри».

Бай Лисинь: «...»

Как это вдруг *свернулось?

используется для описания чрезмерной конкуренции в определенных вещах.

Со схваченными запястьями, Бай Лисинь ждал позднего прибытия главы деревни.

Дверь со скрипом открылась, и один за другим зажглись факелы на стене.

Свет вернулся в их глаза, и Бай Лисинь выглянул сквозь щель в алтаре.

Шаги деревенского старосты были тяжелыми, а ноги напоминали жесткие бамбуковые шесты, которые не могли согнуться. Он мог только медленно двигать ими силой своих бедер странным и искривленным образом.

Староста нес прозрачный мешок с чистыми фруктами. Он медленно подошел к столу и положил на него сумку, прежде чем поднять кожаный хлыст со стола.

В следующее мгновение звук хлыста, приземлившегося на камень и ткань, разнесся по всему залу предков.

Тело Ли Цанкан яростно содрогнулось.

Староста деревни продолжал ругаться себе под нос, когда наносил удары.

«Я забью тебя до смерти, деревенский староста, у которого нет глаз. Баоэр — хорошая девочка, и она никому не принадлежит. Ради деревни, зачем ты послал ее к этой собаке? И ты все еще приносишь жертвы реке во имя праведности! Ба! Сволочь!»

— Я забью тебя до смерти, коварный торговец! Ты думаешь, что можешь делать все, что хочешь, только потому, что у тебя есть несколько крох денег и несколько мешков зерна? Это все из-за тебя. Все из-за тебя. Ты заслуживаешь смерти больше всех!»

«Я забью тебя до смерти, старуха, ослепленная салом*, если бы ты не уговорила Баоэр, как бы она могла так послушно уйти! Она могла сбежать!»

Жир с живота свиньи.

«Я вас всех побью! Я забью вас всех до смерти! Будьте вы все прокляты!»

В тесном и мрачном зале предков эхом отдавались звуки проклятий и порки.

Наконец деревенский староста устал и медленно положил хлыст обратно на стол.

«Баоэр». В комнате раздался хриплый голос старосты.

Даже после стольких ударов плетью и ругани голос главы деревни оставался таким же стабильным, как и прежде. Он был устойчивым, с характерной для него мрачной хрипотцой.

«Я пришел, чтобы увидеть тебя. Смотри, я принес тебе твои любимые яблоки».

Как только мрачный голос закончил говорить, что-то упало на землю и покатило перед Ли Цанкан.

Это было яблоко.

Староста замер: «Я стар и бесполезен. Я не могу даже держать яблоко. Дай мне поискать. Куда упало яблоко?»

Глаза Ли Цанкан были полны ужаса, когда она смотрела сквозь щель. Тело напротив нее медленно наклонилось, казалось, пытаясь нагнуться, чтобы подобрать яблоко.

Она изо всех сил прикрыла рот, не смея вздохнуть.

Пока она смотрела, как тело постепенно сгибается, рядом с ней вдруг выскочила нога и мягко выбила яблоко.

Яблоко дважды прокатилось по земле и остановилось у ног старосты.

Ли Цанкан: «...»

Яблоко выкатилось само? Это было приемлемо?

Бай Лисинь медленно убрал ногу и молча улыбнулся Ли Цанкан. Не бойся; мы не слабы в бою.

Ли Цанкан не знала о боевых способностях Бай Лисиня, и ее сердце уже было в горле.

Деревенский староста в замешательстве почесал затылок и наклонился, чтобы подобрать яблоко, совершенно не обращая внимания, почему яблоко само выкатилось из-под алтаря.

Ли Цанкан: «...»

Это было действительно приемлемо!

Староста вытер яблоко и положил его на алтарь.

Зажег благовония и преклонил колени, чтобы поклониться.

Хотя его движения были скованными, успех зависел от его мастерства.

Староста деревни встал на колени перед алтарем: «Баоэр, завтра 30 лет со дня твоей смерти, а ты до сих пор не можешь подавить свой гнев? Это моя вина. Я не защищал тебя с самого начала. Баоэр, моя Баоэр...»

Голос главы деревни начал дрожать, и Ли Цанкан выглянула в щель, чтобы посмотреть.

Было похоже, что он хотел плакать, но почему-то не мог плакать. В конце концов, он исказил лицо, отделяющее плоть от кожи, и сделал ужасное выражение, и сухо завыл хриплым голосом.

Через полчаса староста подобрал замененные фрукты и вытащил свое одеревеневшее тело за дверь.

Дверь со скрипом закрылась.

Она защелкнула и снова была заперта.

Только когда звук шагов стих, Ли Цанкан вздохнула с облегчением, но затем повернула голову и в отчаянии посмотрела на Бай Лисиня: «Что нам делать? Кажется, староста запер дверь».

Кругом была кромешная тьма, и Бай Лисинь выполз в темноте. Он подошел к двери и легонько толкнул ее, но дверь была твердой, как скала.

Ему в ухо усмехнулся Ди Цзя: «Хе».

Бай Лисинь понизил голос и сказал комариным голосом, который могли услышать только два человека: «Не ухмыляйся, поторопись и помоги».

Ди Цзя был ошеломлен: «Я могу тебе помочь, но зачем?»

Бай Лисинь: «Ух, потому что я твоя самая ценная коллекция. Если ты не выпустишь меня сегодня, я могу умереть завтра. Хотел бы ты, чтобы коллекция, выходящая раз в тысячу лет, так погибла? Я не делаю себе одолжение, я делаю тебе одолжение. Открыв дверь, я могу уйти, а ты можешь защищать свою коллекцию. Это взаимная выгода, которая убивает двух зайцев одним выстрелом, верно?»

Ди Цзя колебался.

Бай Лисинь не торопился. Он повернулся к алтарю и стал рыться в темноте.

Ли Цанкан: «Что ты ищешь?»

Бай Лисинь: «Мы уже здесь, так что можно взять сувениры».

Через несколько секунд в его ухе раздался голос Ди Цзя.

— Ты прав, но твоя конечная цель — выбраться. Я по-прежнему буду помогать тебе, но я буду собирать проценты.

Небольшая струйка воды стекла с его запястья, а из-за двери донесся едва уловимый звук поворачивающегося замка.

Ли Цанкан наконец подошла к двери, пошарив в темноте.

«Что нам делать? Должны ли мы отправить личное сообщение Лян Си и остальным, чтобы они пришли и спасли нас?» Она уперлась руками в дверь, толкая ее, и с тревогой сказала: «Мы не можем просто умереть здесь с голоду...»

Со скрипом дверь открылась.

Ли Цанкан выглядела сбитой с толку: «Это... Бай Лисинь, дверь открыта».

Бай Лисинь уже подошёл с чем-то из алтаря: «О, тебе так повезло. Благодаря тебе сегодня я почувствовал вкус твоей удачи».

Ли Цанкан покраснела от смущения: «Ах! Это так? Спасибо... спасибо за комплимент».

Ди Цзя: «Хмф!»

Бай Лисинь, «...»

Они уже потушили свечи, чтобы спрятаться. Так что теперь они могли ходить по каменной дорожке только в темноте.

Вокруг них была крошечная тьма, и под их ногами было неровно.

Поскольку Ли Цанкан боялась комнаты позади них, Бай Лисинь позволил ей идти впереди себя.

Ли Цанкан медленно двинулась вперед, держась за стену. Она могла слышать спокойное дыхание и шаги Бай Лисиня недалеко от себя.

Примерно через три-четыре минуты ходьбы они достигли развилки дорог.

Еще через две минуты ходьбы Ли Цанкан споткнулась.

Какая-то сила схватила ее за воротник и потянула вверх.

Ли Цанкан держалась за стену, чтобы отдышаться, и поблагодарила за спиной: «Спасибо, Бай Лисинь».

Сила не исчезла, а вместо этого переместилась на плечо Ли Цанкан.

Сквозь одежду Ли Цанкан почувствовала, что предмет был твердым и острым, как подсвечник.

Ли Цанкан была немного смущена: «Спасибо, что поддержал меня. Я сдерживала вас, ребята, с тех пор, как проснулась. Мне жаль».

В темноте слышалось только прерывистое дыхание.

Ли Цанкан сделала еще два шага, а Бай Лисинь все еще не собирался снимать подсвечник.

Ли Цанкан: «Бай Лисинь, тебе действительно не нужно так сильно обо мне заботиться. Я могу...»

— Ли Цанкан, не оборачивайся!

Несколько холодный голос Бай Лисиня донесся с небольшого расстояния позади нее.

Это было немного далеко, но не так далеко.

Тело Ли Цанкан вдруг напряглось, но она послушно не повернулась назад и чопорно двинулась вперед.

Если это был голос Бай Лисиня, то что же было за... ней?

Звук дыхания позади нее стал еще тяжелее. Он был так близко, что, казалось, находился рядом с ее ушами.

Давление на ее плечо также постепенно усилилось, и Ли Цанкан напряглась. Она поняла, что это нечто похожее на коготь.

Снова раздался голос Бай Лисиня: «Когда я досчитаю до трех, ты немедленно присядешь! Ты меня слышишь?»

Голос Ли Цанкан дрожал: «Хорошо».

Бай Лисинь, «1,2,3!»

В тот момент, когда он досчитал до трех, Ли Цанкан быстро присел на корточки без каких-либо колебаний.

Она услышала громкий хлопок позади себя и сгорбилась, чтобы оглянуться. Ее глаза постепенно адаптировались к темноте, а сердце чуть не выпрыгнуло из горла, когда она увидела то, что было перед ней.

Четыре алых глаза устрашающе светились в темноте.

<http://bllate.org/book/14977/1324576>